

О. И. Беляев

ИЯз РАН — МГГУ, Москва

**ФУНКЦИЯ ТЕМАТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
В АШТЫНСКОМ:
переходность, согласование или контролируемость?¹**

1. Личное согласование в ицаринском даргинском

Центральным противопоставлением в системе финитных форм в даргинских языках² является противопоставление аналитических и синтетических форм. Аналитические формы представляют собой сочетание нефинитной глагольной формы (причастия или деепричастия) и отделяемого предикативного показателя/связки. В синтетических формах личный показатель является суффиксом, неотделимым от глагольной словоформы и имеющим различную форму в различных глагольных парадигмах.

Как было показано в работах Н. Р. Сумбатовой и Р. О. Муталова [Sumbatova, Mutalov 2003; Сумбатова, Муталов 2004], личное согласование в языках даргинской группы определяется позицией ядерных актантов в личной иерархии, которая в большинстве известных диалектов имеет вид $2 > 1 > 3$ или $1, 2 > 3$. Глагол согласуется по тому из своих аргументов, который в этой иерархии стоит выше. Например, если один из партиципрантов относится ко 2 лицу, а другой — к 3 лицу, то личный показатель будет относиться ко 2 лицу вне зависимости от синтаксических ролей данных аргументов. Ср. следующие примеры из ицаринского даргинского:

¹ Материал аштынского диалекта кубачинского языка был собран в ходе экспедиции в Республику Дагестан в августе 2012 г. Я благодарен М. Т. Гаджимурадову за данные аштынского диалекта и Н. Р. Сумбатовой за общую поддержку в деле изучения даргинских языков. Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 14-18-02429 «Корпусные исследования предикатно-аргументной структуры предложения в нахско-дагестанских языках».

² Традиционно считаются диалектами одного языка, однако эта точка зрения не имеет под собой лингвистических оснований. Всего выделяется не менее 17 даргинских языков [Коряков, Сумбатова 2007].

- (1а) **du-l murad uc-ib = da**
1SG-ERG Мурад (М)ловить.PFV-PRET=1
'Я поймал Мурада'.
- (1б) **murad-il du uc-ib = da**
Мурад-ERG 1SG (М)ловить.PFV-PRET=1
'Мурад поймал меня'. [Sumbatova, Mutalov 2003: 79]
- (2а) **u-l du uc-ib = di**
2SG-ERG 1SG (М)ловить.PFV-PRET=2
'Ты меня поймал'.
- (2б) **du-l u uc-ib = di**
1SG-ERG 2SG (М)ловить.PFV-PRET=2
'Я тебя поймал'.

В аштынском диалекте кубачинского языка система согласования несколько иная: если один из ядерных актантов является локутором, а другой — не является, то глагол согласуется по локутору; если же оба актанта — локуторы, то глагол согласуется по прямому объекту:

- (3а) **di-l u us-ipri = di**
1SG-ERG 2SG (М)ловить.PFV-PERF=2
'Я тебя поймал'.
- (3б) **u-dil du us-ipri = da**
2SG-ERG 1SG (М)ловить.PFV-PERF=1
'Ты меня поймал'.

Иначе говоря, в ицаринском действует иерархия $2 > 1 > 3$, в аштынском же действуют две иерархии: $1, 2 > 3$ и $ABS > ERG$, причем первая имеет приоритет. В обоих идиомах показатель 3 лица используется только в случае, если оба актанта относятся к 3 лицу.

В некоторых из синтетических форм (кондиционалис, оптатив, прохибитив, в некоторых диалектах — конъюнктив) помимо суффиксального личного показателя присутствует также «тематический» гласный — показатель категории, которую традиционные даргинские грамматики [Абдуллаев 1954; Магомедов 1963] именуют переходностью. В традиционном представлении, в 1 и 2 лицах данный показатель обычно имеет вид *-i-* у переходных глаголов и *-u-* — у непереходных, в 3 лице — *-ar/-an* и *-u-* соответственно.

Однако для хорошо изученных идиомов, прежде всего, для ицаринского [Sumbatova, Mutalov 2003], такую трактовку для 1 и 2 лиц едва ли можно назвать верной, т. к. из нее имеется важное исключение: в случае, если позицию пациенса занимает локутор, глагол получает не ожидаемый «переходный» показатель *-i-*, а «непереходный» показатель *-u-*. Общую схему использования показателей «переходности» в ицаринском можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 1. Использование показателей переходности в ицаринском

А \ P	1	2	3
1	—	<i>-u-t</i>	<i>-i-d</i>
2	<i>-u-t</i>	—	<i>-i-t</i>
3	<i>-u-d</i>	<i>-u-t</i>	<i>-ar/-an</i>

На основании данного распределения в работах Н. Р. Сумбатовой и Р. О. Муталова был сделан вывод о том, что в ицаринском даргинском мы имеем дело не с категорией переходности, как считалось ранее, а с категорией **инверсива** [Тестелец 1989; Givón 1994; Payne 1999], которая отражает относительное положение ядерных актантов в личной иерархии. По мысли авторов, «переходный» показатель *-i-* используется, когда ранг Агентива³ (А) больше ранга Абсолютива (Р), тогда как «непереходный» показатель *-u-* используется в случае, когда ранг А меньше либо равен рангу Р. К последнему случаю исследователи относят также непереходные глаголы (т. к. можно считать, что в этом случае ранг А равен 0 в силу его отсутствия). В случае, если оба актанта относятся к 3 лицу, используется показатель *-ar/-an*.

В отличие от традиционного подхода, анализ Н. Р. Сумбатовой и Р. О. Муталова адекватно характеризует употребление рассматриваемых показателей в ицаринском даргинском и хорошо вписывается в даргинскую систему личного согласования, в которой центральную роль играет личная иерархия. Однако, как будет показано ниже, данный анализ адекватен не для всех даргинских языков.

³ Для гиперролей используется терминология А. Е. Кибрика [Kibrik 1997; Кибрик 2003: 133–187].

2. «Переходность» в аштынском даргинском

В аштынском диалекте кубачинского языка показатели «переходности» встречаются в следующих формах: в настоящем общем времени, в кондиционалисе, в условном опитативе и в прохибитиве [Беляев 2012]. Наиболее частотными из этих форм являются кондиционалис и прохибитив; они и будут употребляться в большинстве примеров. Кроме того, я не буду учитывать поведение показателей 3 лица⁴ *-a/-an* и *-u-*, поскольку, по моим данным, они выражают переходность в классическом смысле и не представляют большого интереса.

На первый взгляд, употребление показателей *-i-* и *-u-* (вариантом последнего у глаголов II спряжения является *-a-*) в аштынском даргинском ничем не отличается от их употребления в ицаринском: с переходными глаголами используется *-i-*, кроме случаев, когда Р является локутором⁵:

- (4) *u-dil id b-us-i-ti*
 2SG-ERG DEM.DIST N-ловить.PFV-TR-2.COND
*/*b-us-u-ti, mubarak*
 N-ловить.PFV-INTR-2.COND благословение
w-i:q'-an = di.
 M-делать.IPFV-POT=2
 'Если ты его поймаешь, то будешь молодец'.

- (5) *u id-dil us-u-ti*
 2SG DEM.DIST-ERG (M)ловить.PFV-INTR-2.COND
/²us-i-ti, waʔ-li a:g-an-ni.
 (M)ловить.PFV-TR-2.COND плохой-ADV выйти.IPFV-POT-3
 'Если он тебя поймает, будет плохо'.

Важно заметить, что употребление *-u-* с переходными глаголами в примерах вроде (5) факультативно, и эта морфема может

⁴ В соответствии с приведенными в разделе 1 правилами согласования, эти показатели используются только в случае, если оба ядерных актанга относятся к 3 лицу.

⁵ К сожалению, семантика аштыных «тематических» показателей исследована исключительно методом элицитации, т. к. формы, в которых эти показатели употребляются, в естественных текстах встречаются весьма редко.

быть заменена на *-i-*, тогда как обратное невозможно. Обращают на себя внимание также и другие отличия аштынской системы от ицаринской.

Во-первых, с предикатами, оформляющими субъект дативом (в аштынском, как и в большинстве нахско-дагестанских языков, к таким предикатам относятся глаголы с валентностью экспериенцера: ‘видеть’, ‘слышать’, ‘знать’, ‘любить’ и др.), всегда используется показатель *-i-*, даже в случае, если абсолютный актант (стимул) является локутором⁶. Ср.:

- (6) *id-ij* *u* *uʃlh~aʃh-i-ti*
 DEM.DIST-DAT 2SG видеть.PFV~NEG-TR-2.COND
 /**uʃlh~aʃh-u-ti*
 (M)видеть.PFV~NEG-INTR-2.COND
 ‘если он тебя увидит’

Второй и, пожалуй, наиболее важной особенностью употребления показателей «переходности» в аштынском является тот факт, что с непереходными глаголами в действительности могут употребляться оба показателя:

- (7а) *patʹimat-li-šʹu* *w-ax~max-u-t*
 Патимат-OBL-AD(LAT) М-идти.IPFV~PRON-INTR-2
 ‘Не ходи к Патимат’.

- (7б) *w-aš~maš-i-t*
 М-идти.IPFV~PRON-TR-2
 ‘Вообще не ходи, куда не ходи’.

В (7а) и (7б) используется один и тот же глагольный корень; в (7б) корневая согласная подверглась палатализации по общему правилу под влиянием последующей гласной /i/. Интересно, что представленная в (7) оппозиция во многом аналогична похожим оппозициям в тех языках, которые противопоставляют «неаккузативные» и «неэргативные» предикаты, ср. ит. *sono corso a casa* ‘я прибежал домой’ (со вспомогательным глаголом ‘быть’) vs. *ho corso per ore e ore* ‘я бегал часами’ (с глаголом ‘иметь’).

⁶ По моим данным, той же особенностью обладают экспериенциальные глаголы как минимум еще в одном даргинском языке — ширинском. При этом остальных рассматриваемых в данной статье отклонений от ицаринского образца в нем не наблюдается.

Как и в случае с неаккузативностью, четко определить семантическую мотивацию выбора показателя затруднительно. Подобные оппозиции в романских языках часто связывают с предельностью [Bentley, Eythórsson 2004], однако если (7) действительно можно объяснить таким образом, в аналогичных примерах с глаголом ‘садиться’ показатели употребляются противоположным образом:

(8а) *ka-mma-w-iḡ-u-t!*
DOWN-PRON-M-садиться.IPFV-INTR-2
‘Не садись!’ {хоть и устал, продолжай идти}

(8б) *q:a:q:a-l-ži*
камень-OBL-SUPER(LAT)
ka-mma-w-iž-i-t
DOWN-PRON-M-садиться.IPFV-TR-2
‘Не садись на камень’. {он холодный}

Здесь употребление показателя *-u-* скорее следует связывать с большей волитивностью действия, с контролируемостью ситуации (по словам консультанта, в (8а) собеседнику предписывается приложить усилия, чтобы не сесть отдохнуть, тогда как в (8б) содержится лишь предостережение о том, что на камень садиться не следует — например, потому что он холодный). Аналогичным образом описывается и (7).

Однако агентивность также не подходит в качестве универсального объяснения, т. к. оба показателя свободно комбинируются с типичными неагентивными и стативными предикатами, например *u ič-i-u uχ-u-ti* (2SG болеть.IPFV-CVB статья.PFV-INTR-2.COND), *u ič-i-u uχ-i-ti* (2SG болеть.IPFV-CVB статья.PFV-TR-2.COND) ‘если ты заболеешь’. Первый вариант, по словам носителей языка, используется в случае, если говорящий уверен в том, что собеседник заболеет при соблюдении определенных условий (например, мама может сказать ребенку: «не ходи на улицу; если ты заболеешь (выйдя на улицу), как мне за тобой ухаживать?»). Второй же вариант используется в утверждениях типа «Если ты заболеешь, то не пойдешь в школу».

Другой хорошей иллюстрацией употребления данных показателей с непереходными (неагентивными) глаголами является глагол *~ibk’/~ubk’* ‘умирать’:

- (9) *du w-ibč'-i-l-li, qal gal-li-j*
 1SG M-умирать.PFV-TR-1-COND дом сын-OBL-DAT
d-ik-a
 NPL-дать.PFV-IMP.2
 'Если я умру, отдайте дом сыну'.

По словам носителя языка, форма с показателем *-u-* может быть употреблена только в том случае, если речь идет о скорой возможной, ожидаемой смерти, например, от старости. Аналогично во 2 лице: *u wibč'uti* 'если (вдруг) ты умрешь', *u wibk'uti* 'если ты умрешь (от старости)'.

Ср. аналогичный пример с глаголом 'жить', где, вопреки непереходности, используется «переходный» показатель *-i-*:

- (10) *wa dus kab aj-w-i:χ-u*
 двадцать год еще ST-M-быть.IPFV-CVB {жить}
kat-ilž-i-l-li...
 DOWN-остаться.PFV-TR-1-COND
 'Если я буду жить еще двадцать лет...'

Другие неагентивные предикаты демонстрируют похожее поведение:

- 'падать'
 (11a) *ka-mma-w-ič-i-t*
 DOWN-PRON-M-падать.IPFV-TR-2
 'Смотри не упади'.
 (11б) *ka-mma-w-ik-u-t*
 DOWN-PRON-M-падать.IPFV-INTR-2
 'Сделай усилие, чтобы не упасть'.
 'спать'
 (12a) *us ~ ma:s-i-t*
 спать.IPFV~PRON-TR-2
 'Смотри не засни'.
 (12б) *us ~ ma:s-a-t*
 спать.IPFV~PRON-INTR-2
 'Не спи (на посту)'.

Противопоставление «переходных» и «непереходных» форм с такими глаголами напоминает русское видовое противопоставление

прохибитива и превентива: *не падай* vs. *не упади* [Гусев 2005: 56–61]. Ср. также *После веселья не умри от похмелья* (Интернет) vs. *не умирай*. В первом случае возможная смерть мыслится как внезапная, непредвиденная, тогда как второй пример может использоваться в том случае, если человек находится при смерти. Такое противопоставление очень похоже на то, что имеет место в (11) и (12) и других примерах выше.

В целом «переходные» формы можно интерпретировать как неконтролируемые/неожидаемые, а «непереходные» — как контролируемые/ожидаемые.

Наконец, **третьей** особенностью аштынской системы является тот факт, что, если оба актанта являются локуторами и их лица совпадают⁷, используется показатель *-i-*, а не *-u-* (13). Это противоречит ожидаемому, т. к. в данном случае ранги обоих актантов совпадают, и в соответствии с приведенным выше обобщением должен быть употреблен показатель *-u-*.

(13a) *di-l du w-a^qq-a^qq-i-l-li*
 1SG-ERG 1SG M-ранить.PFV-CAUS-TR-1-COND
*/*w-a^qq-a^qq-u-l-li*
 M-ранить.PFV-CAUS-INTR-1-COND
 ‘если я себя пораню’ (вариант с *-u-* предполагает угрозу:
 «...тебе будет плохо»)

(13б) *u-dil u w-a^qq-a^qq-i-ti*
 2SG-ERG 2SG M-ранить.PFV-CAUS-TR-2.COND
*/*w-a^qq-a^qq-u-ti*
 M-ранить.PFV-CAUS-INTR-2.COND
 ‘если ты себя поранишь’

При некоторых глаголах допустимы оба показателя, причем семантическое противопоставление похоже на то, которое наблюдается с непереходными глаголами:

(14a) *u-dil u kax^w-i-ti,*
 2SG-ERG 2SG DOWN:убить.PFV-TR-2.COND

⁷ В аштыском даргинском специальное рефлексивное местоимение используется только в третьем лице; в 1 и 2 лицах используются обычные личные местоимения.

- duz-li* *sa-b*
 правильный-ADV COP-N
 ‘Если ты себя убьешь, будет правильно’.
- (146) *u-dil* *u* *kax-u-ti*,
 2SG -ERG 2SG DOWN:убить.PFV-INTR-2.COND
di-l *si* *b-αq'-ida?*
 1SG-ERG что N-делать.PFV-DELIB
 ‘Если ты себя убьешь, что мне делать?’

3. Возможные объяснения

Как видно, употребление показателей *-i-* и *-u-* в аштынском весьма разнородно и едва ли сводимо к какому-либо одному простому обобщению. Вкратце рассмотрим то, насколько данные факты укладываются в какой-либо из существующих подходов к схожим феноменам в других языках.

- **Переходность по [Hopper, Thompson 1980; Næss 2007].** Можно считать, что показатель *-i-* выражает повышенную переходность, а *-u-* — пониженную. Однако в таком случае переходность экспериенциальных предикаций (где используется только показатель *-i-*) оказывается выше переходности канонических переходных предикаций (где могут использоваться оба показателя), что прямо противоречит теории. Кроме того, поведение непереходных глаголов также противоречит предсказываемому: в большей степени контролируемые действия с бóльшим числом участников (ср. указание на цель у глаголов движения) должны быть более переходными, тогда как в аштынском в таких случаях, напротив, используется «непереходный» показатель *-u-*.

- **Неаккузативность [Perlmutter 1978; Burzio 1986].** Как уже было указано выше, некоторые «минимальные пары» непереходных глаголов напоминают аналогичные «минимальные пары» с разными вспомогательными глаголами в романских языках. Однако «неаккузативной» трактовке данных фактов препятствует то, что показатели не распределены лексически, т. е. любой непереходный глагол может принимать любой из двух показателей, тогда как неаккузативность обычно связана с лексической семантикой предиката [Sorace 2000; Legendre 2007]. Кроме того, с позиций гипотезы неаккузативности невозможно объяснить, почему пере-

ходные глаголы с объектом-локутором получают «непереходный» показатель *-и-* (свидетельств какой-либо синтаксической детранзитивации в данном случае нет).

Таким образом, ни один из известных мне подходов к расщепленной переходности/непереходности не способен описать все разнообразие употребления аштынских показателей.

4. Заключение

Итак, в аштынском диалекте имеются показатели грамматической категории, по некоторым своим параметрам напоминающей категории инверсива и семантической переходности, а также связанной с противопоставлением неаккузативных и неэргативных предикатов. Однако выбор грамем данной категории не описывается в рамках какого-либо из этих подходов.

Необходимо, таким образом, предложить такое описание функций этих грамем, чтобы оно включало в себя все наблюдаемые случаи. В качестве первого приближения можно предложить следующее определение: показатели *-и-/i-* маркируют соответственно высокую и низкую степень **контролируемости ситуации со стороны Абсолютива**. При этом немаркированным показателем для переходных глаголов является *-i-*, т. к. здесь влияние Абсолютива на исход ситуации исключено; напротив, у непереходных глаголов немаркированным показателем является *-и-*. Пациенс-локутор в контексте речевой ситуации, при прочих равных условиях, может восприниматься как оказывающий больше влияния на осуществление ситуации, чем нелокутор, откуда и (факультативное) употребление «повышающего контролируемость» показателя *-и-*. Показатель *-и-* не употребляется с экспериенциальными предикатами, поскольку при таких предикатах Абсолютив-стимул в принципе не может контролировать исход ситуации. Что касается непереходных глаголов, «понижающий контролируемость» показатель *-i-* у глаголов движения выражает отсутствие цели, у неволитивных предикатов вроде 'умирать' — неожиданность события для Абсолютива.

Само по себе морфологическое выражение категории контролируемости, по-видимому, представляет собой типологически редкое явление, хотя и встречается в модальных формах, например, в императиве [Добрушина 2001]. Однако в литературе под

термином «контролируемость», как правило, понимается контроль именно со стороны Агенса/Принципала (ср. [Кустова 1992] для русского языка); категория контролируемости, связанная именно с гиперролью Абсолютива, по-видимому, представляет собой типологически уникальное явление.

При этом не следует исключать и того, что все употребления показателей *-i-* и *-u-* в аштынском не имеют единого объяснения. Относительная свобода их употребления может быть следствием распада исходной системы [Муталов 2002]. В аштынском иерархия $2 > 1 > 3$ сменилась более простой иерархией $1,2 > 3$ для общего правила личного согласования. После этого категория инверсива, встречающаяся в ничтожном количестве глагольных форм, также была утрачена, т. к. иерархия, на которой она основывалась, уже не имела других проявлений в грамматике языка. В результате показатели *-i-* и *-u-* в различных контекстах были переосмыслены как выражающие разные семантические категории. Если с непереходными и рефлексивными глаголами речь идет о контролируемости или ожидаемости, то факультативность употребления *-u-* в переходных конструкциях с Пациентом-локутором может быть связана с тем, что действие личной иерархии в аштынском ослаблено, и она постепенно уступает место иерархии грамматических отношений. Тем самым *-i-* функционирует как простой показатель переходности. В этом качестве он был распространен и на глаголы с дативным субъектом. Поэтому, если с канонически переходными глаголами *-u-* употребляется в качестве реликта исходной «инверсивной» системы, то с экспериенциальными предикатами предположительно более раннее повсеместное употребление *-u-* было заменено столь же повсеместным употреблением *-i-*.

Какая из точек зрения на значения аштынских тематических гласных является верной, покажет дальнейшее изучение даргинских языков, которое позволит с большим основанием говорить о том, какая система согласования была исходной. Кроме того, желательно изучение функций *-i-* и *-u-* на корпусном материале, хотя весьма низкая частотность форм с этими показателями не позволяет надеяться на возможность такого исследования в обозримом будущем.

Список условных сокращений

1, 2 — 1, 2 лицо; А — агенс переходного глагола; ABS — абсолютный падеж; ADV — адвербиалис; APUD — локализация вблизи ориентира; CAUS — каузатив; COND — условное наклонение; CVB — деэпричастие; DAT — дательный падеж; DELIB — делибератив; DEM — указательное местоимение; DIST — дейксис дальнего плана (объект на уровне говорящего); DOWN — направление действия вниз; ERG — эргативный падеж; IMP — императив; INTR — непереходность; IPFV — несовершенный вид; LAT — лативная ориентация; M — грамматический класс лиц мужского пола; N — грамматический класс не-лиц; NEG — отрицание; OBL — косвенная основа; P — пациенс переходного глагола; PERF — перфект; PFV — совершенный вид; POT — потенциалис; PRET — прошедшее время; PRON — прохибитив; SG — единственное число; ST — именная часть сложного глагола; SUPER — локализация сверху от ориентира; TR — переходность.

Литература

- Абдуллаев 1954 — С. Н. Абдуллаев. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1954.
- Беляев 2012 — О. И. Беляев. Аспектуально-темпоральная система аштынского даргинского // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* VIII, 2, 2012. С. 181–227.
- Гусев 2005 — В. Ю. Гусев. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. ИЯз РАН, М., 2005.
- Добрушина 2001 — Н. Р. Добрушина. Проблема контролируемости побудительной ситуации в типологическом аспекте // А. С. Нариньяни (ред.). Труды Международного семинара Диалог-2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы. М., 2001. С. 77–83.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Коряков, Сумбатова 2007 — Ю. Б. Коряков, Н. Р. Сумбатова. Даргинские языки // Большая российская энциклопедия. Т. 8. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. С. 328–329.
- Кустова 1992 — Г. И. Кустова. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рязцева (отв. ред.). Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 145–150.

- Магомедов 1963 — А. А. Магомедов. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963.
- Муталов 2002 — Р. О. Муталов. Глагол даргинского языка. Махачкала: ДГУ, 2002.
- Сумбатова, Муталов 2004 — Н. Р. Сумбатова, Р. О. Муталов. Переходность или согласование? («переходные» и «непереходные» формы глагола в ицаринском диалекте даргинского языка) // А. П. Володин (отв. ред.). Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию проф. В. С. Храковского. М.: Знак, 2004.
- Тестелец 1989 — Я. Г. Тестелец. Категория инверсива: определение и опыт типологии // В. И. Подлеская, Л. И. Куликов (ред.). Проблемы синтаксической и семантической типологии. М.: Наука, 1989. С. 135–146.
- Bentley, Eythórsson 2004 — D. Bentley, T. Eythórsson. Auxiliary selection and the semantics of unaccusativity // *Lingua* 114, 4, 2004. P. 447–471.
- Burzio 1986 — L. Burzio. Italian Syntax: A Government-Binding Approach. Dordrecht: Reidel, 1986.
- Givón 1994 — T. Givón. The pragmatics of de-transitive voice: Functional and typological aspects of inversion // T. Givón (ed.). *Voice and Inversion*. [Typological Studies in Language 28]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1994. P. 3–44.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in Grammar and Discourse // *Language* 56, 2, 1980. P. 251–299.
- Kibrik 1997 — A. E. Kibrik. Beyond subject and object: toward a comprehensive relational typology // *Linguistic Typology* 1, 3, 1997. С. 279–346.
- Legendre 2007 — G. Legendre. On the typology of auxiliary selection // *Lingua* 117, 9, 2007. P. 1522–1540.
- Næss 1999 — Å. Næss. Prototypical Transitivity. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1999.
- Payne 1999 — T. Payne. A functional typology of inverse constructions // Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец (ред.). Типология и теория языка: от описания к объяснению: К 60-летию А. Е. Кибрика. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 245–254.
- Perlmutter 1978 — D. M. Perlmutter. Impersonal passives and the Unaccusative Hypothesis // *Proceedings of the 4th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 1978. P. 157–189.
- Sorace 2000 — A. Sorace. Gradients in auxiliary selection with intransitive verbs // *Language* 76, 2000. P. 859–890.
- Sumbatova, Mutalov 2003 — N. R. Sumbatova, R. O. Mutalov. *A Grammar of Icari Dargwa*. München — Newcastle: LINCOM Europa, 2003.